

МИХАИЛ СКРЯБИН, ЛЕОНАРД ГАВРИЛОВ

**СВЕТИТЬ МОЖНО-
ТОЛЬКО СТОРАЯ**

МИХАИЛ СКРЯБИН, ЛЕОНАРД ГАВРИЛОВ

СВЕТИТЬ МОЖНО- ТОЛЬКО СТОРАЯ

**Повесть
о Моисее Урицком**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1987**

Писатель Михаил Скрыбин известен читателю по книгам на правовые темы, а также о Феликсе Дзержинском, о Великой Отечественной войне.

Леонард Гаврилов — кандидат юридических наук, доцент, автор научных публикаций в области криминалистики, автор ряда очерков и рассказов.

Повесть «Светить можно — только стоя» — первое художественно-документальное произведение, посвященное Моисею Соломоновичу Усикому, профессиональному революционеру, активному участнику Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, первому председателю Петроградской ЧК.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В эту тревожную ночь в семье Урицких почти не спали. Старшая дочь, восемнадцатилетняя Берта, то и дело вскакивала с постели и подходила к окну. Когда открывалась форточка, маленький Моисей слышал плеск волн, бьющихся у подножия большого каменного дома, который, как утес, возвышался среди халуп бедноты Подола.

— Берта, иди спать, мне холодно,— хитрил трехлетний Моисей. Малышу разрешалось иногда забираться в постель старшей сестры, и сейчас он не мог понять, зачем стоять у окна, когда в большой кровати так тепло и уютно.

— Спи, братик, спи,— гладила его по голове Берта, укрывала.

— А ты Расскажи мне сказку.

— Сказку? Нет, лучше послушай правду.— Берта прилегла рядом, закинула руки за голову, освободила черную косу, которой тут же завладел Моисей.— Живем мы с тобой на самом берегу могучей реки Днепр. Летом он тихий, добрый, в нем ловят рыбу, его водой поливают поля и огороды. По Днепру плывут лодки и пароходы, везут людям хлеб, овощи, фрукты. По Днепру плавает лес, из которого строят дома. А вот весной Днепр не узнать. Он сердится, разливается по деревням и городам, выгоняет из домов бедных людей.

— А мы бедные? — со страхом спрашивает ребенок.

Но Берта снова привстает, опершись локтем о подушку, прислушивается и, не отвечая на его вопрос, говорит Моисею:

— Утром, утром поговорим, а сейчас спать без разговоров, а то вернется отец, спросит, как прошла ночь. Что мы ему ответим?

Но отец не вернулся.

Не вернулся ни утром, ни среди дня. Вечером в горницу ввалились какие-то чужие люди. Моисей из своей комнаты услышал их громкие голоса, топот ног и затем истошный вопль матери.

Зачем пришли в дом эти чужие люди, почему они обидели маму? Малыш с трудом открыл тяжелую дверь и вбежал в горницу. Мать, распустив волосы, стояла на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону, а четверо незнакомых мужчин в промокшей одежде, с шапками в руках стояли рядом, наклонив головы. Сжимая кулачки, мальчик кинулся на обидчиков и был подхвачен на руки плачущей Бертой...

...Наводнение 1876 года надолго запомнилось жителям Подола — нижней части уездного города Черкассы Киевской губернии. За снежной зимой наступила ранняя весна с проливными дождями. Вода в реке стала быстро подниматься. И в течение суток днепровские волны, гонимые шквальным ураганом, затопили значительную часть города, разрушая глинобитные домишки, унося скот, а порой и людей. Жители Подола, спасая детей и стариков, на лодках, на плотках, захватив с собой только самое необходимое, переселялись в верхнюю часть города.

Хозяин лесного склада Соломон Наумович Урицкий понимал, что под угрозой затопления находится весь приобретенный им в кредит товар. Ну а если паводок разрушит склад, если волны унесут сосновые бревна — тогда разорение...

Во дворе, словно приглашая хозяина, качался на паводковой зыби добротный «дубок» — лодка. Натянув высокие резиновые сапоги, туго подпоясав брезентовую куртку, Урицкий спустился по деревянным ступенькам во двор и отвязал прикованный цепью к столбу «дубок».

— Скоро буду! — крикнул он жене и, взмахнув веслом, тронулся в путь. — Только на склад и тут же обратно!

Как он мог справиться с разъяренной стихией, по правде сказать, и сам не знал. Но в 38 лет легко сказать себе: «Там видно будет».

Навстречу то и дело попадались нагруженные бедняцким скарбом лодки. В них плакали женщины и дети, молились старики. Сильными гребками Соломон Наумович вел свой «дубок» между затопленных домов по разливанному морю, которое еще вчера было жилым районом Подола. Сразу же за последними домами начинались склады, огороженные высокими заборами. Не считаясь с частной собственностью, днепровские волны хозяйничали на складских территориях, проделав в заборах широкие проемы и вынося на стремнину доски, ящики, пустые железные бочки.

Древесный склад Урицких был тоже затоплен, но крепко обвязанные стальными тросами штабеля уверенно противостояли стихии.

Похвалив себя за предусмотрительность, Соломон Наумович повел свой «дубок» в обратный рейс. Многоголосый крик заставил его приналечь на весла. Впереди, прямо посреди улицы, течение несло перевернутую вверх килем большую лодку, за которую судорожно цеплялись гибнущие люди.

Как потом все произошло, никто толком рассказать не мог. Десятки рук вцепились в борта подошедшего «дубка». Он зачерпнул воду, Урицкий потерял равновесие и сам очутился в холодной днепровской купели.

То ли потянули вниз резиновые сапоги, то ли кто-то из тонущих увлек его за собой на дно...

Со смертью главы семьи обстановка в доме изменилась. Иссаяк поток многочисленных торговцев, которые, обычно в навигационное время, съезжались к Урицким из разных районов юго-западной России. Вместо них зачастили религиозные деятели из ближней синагоги в надежде на богатые подношения безутешной вдовы. Однако, несмотря на свою глубокую религиозность, мать понимала, что одними молитвами не прокормить многодетную семью, и, пообещав Иегове, что любимый сын Моисей станет раввином, энергично принялась за продолжение и развитие торгового дела. Муж последнее время все чаще жаловался, что торговля бревнами приносит очень малый доход, и мечтал установить на лесобирже пилораму, которая превращала бы дешевые бревна в дорогие доски. И мать, проявив недюжинные коммерческие способности, этим делом и занялась. Под залог дома получила деньги, на которые приобрела оборудование, нашла специалистов по его установке. Времени для занятий с детьми не выкроить, и, возложив на старшую дочь Берту наблюдение за их добросовестным учением, религиозным воспитанием и соблюдением домашних традиций, мать с головой окунулась в дело.

Берта была достаточно образованна. Отец приглашал домашних учителей, не имея возможности из-за национального ценза отдать дочь в гимназию. Ими были главным образом студенты, которые, кроме преподавания наук, помогли любознательной девушке расширить свой кругозор. Студенческое вольнодумство вывело Берту из затхлой атмосферы торгашеской семьи. Она полюбила русскую литературу. Девушку хорошо знали в двух книжных лавках города и в библиотеках. Часто перед сном Берта читала вслух русские книги младшим брать-

ям и сестрам. После смерти отца Берта окончательно рассталась с мечтой о продолжении учебы и посвятила свою жизнь воспитанию младших. И не только воспитанию: на девичьи плечи теперь легли все заботы по большому дому.

Для маленького Моисея постоянное влияние старшей сестры было поистине живительным. Мать, видя, что Моисей очень рано научился читать и писать, требовала от Берты, чтобы они регулярно штудировали талмуд. Но Берта отлично понимала, что схоластика талмуда мало что даст способному мальчику. Внутренне противясь желанию матери воспитать из Моисея раввина, Берта все же не могла открыто протестовать. Поэтому очень часто интересные русские книжки находили себе убежище под кожаным переплетом талмуда.

Не сразу, но деловые старания матери увенчались успехом. На лесной базе заработали не только пило-рама, но и обрезной станок с дробилкой. Для Моисея не было большего наслаждения, чем, сидя на горе опилок, наблюдать, как толстые бревна превращаются в пахнущие смолой и лесом ровные доски. Вот бревно-таска захватила в заводи очередное бревно, и оно, словно допотопное чудище, поползло к раме. Взвизгивают острые пилы, вгрызаясь в тело чудовища, и с противоположной стороны пилорамы появляются веселые ленты одинаковых, как близнецы, досок. Ловкие руки рабочего тут же подхватывают их и быстро, по одной, направляют на обрезку. И пока из заводи ползет новое бревно, доски уже уложены на тележку для отправки на склад и продажи одному из семи черкасских заводов, с которыми новой хозяйке удалось заключить выгодные договоры.

В дом Урицких вновь зачастили торговые агенты. Здесь, в большой комнате, совершались торговые сделки, велись разговоры на религиозные темы, а порой и споры о политике.

Приезжие не обращали внимания на тихого мальчика, приткнувшегося где-нибудь в уголке с книжкой в руках, а тот с интересом прислушивался к разговорам.

В ту пору на Украине, как и во всей Российской империи, происходили глубокие социально-экономические изменения: появлялись новые фабрики и заводы, развивался железнодорожный и водный транспорт, разорялись мелкоземельные хозяйства, и крестьянская беднота уходила работать в города. За счет разорившегося украинского крестьянства, ремесленников, кустарей, а также притока бедноты из центральной России формировался украинский рабочий класс.

Из разговоров приезжих подраставший Моисей узнавал о тяжелых условиях труда на новых фабриках и заводах, о низкой заработной плате рабочих, их полуголодной, нищенской жизни, о фабричных забастовках и крестьянских волнениях.

Отношение взрослых к этим событиям не всегда было понятно мальчику, а чаще всего даже вызывало внутренний протест, особенно когда с одобрением рассказывалось, как жестоко подавлялись «беспорядки» полицией. Особенно зло торговцы ругали студентов.

— Им-то чего не хватает,— возмущался один заезжий торговец,— небось все из дворянства, богатые, а ведь тоже против законной власти.

— Нет, не все из дворянства,— возражал рассказчик,— теперь и из других сословий много — разночинцы, одним словом...

Студенты! Моисей грезил о том, как вырастет и станет студентом-разночинцем.

Но когда это будет? А пока нудная учеба в хедере, куда отдала его мать. Своими мыслями Моисей мог поделиться только с Бертой.

— Чтобы стать студентом,— охлаждала пыл брата Берта,— надо закончить гимназию, а это очень непросто.

В Черкассах была лишь одна гимназия, вернее, прогимназия, и попасть в нее еврейскому мальчику было почти невозможно. Но о ней можно мечтать! И мечтать в одиночестве. А где можно уединиться, как не в лесном складе? Но однажды он заметил, что какой-то мальчишка покушается на его одиночество. Перелез через забор и копошится у горы опилок так, что его и не видно; чего, спрашивается, сидеть там, откуда не видно ни бревнотаски, ни пилорамы? Это повторилось на другой, на третий день.

— Чего тебе здесь надо? — не выдержал наконец Моисей.

— А тебе что? Наняли — так сторожи. Я же тебя не трогаю.

— Кого наняли? Что сторожить? — Моисей выбрался из своей удобной выемки в опилках и спустился к мальчишке. Тот отошел на несколько шагов от горки и стоял, сжимая кулаки, явно готовый вступить в схватку со «сторожем». Мальчишка был на полголовы выше Моисея, но гораздо уже в плечах. По всему было видно, что прикидывал, чем может кончиться схватка. Расценив чуть медвежью походку «сторожа» и уверенное его спокойствие не в свою пользу, отступил к забору и одним движением перекинул через него свое легкое тело.

— Подавись ты этими опилками вместе со своими хозяевами! — донеслось из-за забора.

Что нужно было этому мальчишке и почему он так зло разговаривал?

— Наверно, он хотел взять немного опилок; а ты ему помешал, — объяснила вечером Берта.

— А зачем ему опилки?

— Бедные люди делают из них брикеты и топят ими печи.

— А что, нам жалко опилок? Ведь целая гора их выросла!

— Конечно, не жалко, но...

Что «но», Моисей так и не услышал. Теперь он твердо знал, что нужно делать. Нужно немедленно разыскать мальчишку и сказать, чтоб брал опилок столько, сколько захочет.

Однако мальчишка не появился на складе ни завтра, ни через неделю. И Моисей стал искать его по всему Подолу. Он, конечно, и прежде видел бедность, но теперь, заглядывая во дворы и дворики, он обнаружил нищету, мимо которой прежде проходил, не обращая внимания. В жалких лачугах, разбросанных по Подолу, жили фабричные рабочие и мелкие ремесленники. Промышленный капитал постепенно осваивал Черкассы. В городе было уже четыре табачных фабрики. Моисей научился распознавать рабочих-табачников по постоянному хриплому кашлю, рабочие гвоздильного и механического заводов отличались землистостью лиц, сахарного, пивоваренного и нескольких кирпичных заводов — изуродованными подагрой пальцами, с лесопилок рабочие приносили запахи леса, смолы, свежих опилок, которыми были набиты волосы, бороды, усы и даже брови.

Несмотря на помощь подольских ребят, Моисею не удалось найти мальчишку, исчезнувшего за забором склада. А ребята очень хотели сделать что-то хорошее Моисейке, как они его называли. В свои восемь лет он казался гораздо старше сверстников. Обладая завидной памятью, он помнил почти дословно целые страницы прочитанных книг. Его новые друзья собирались где-либо на завалинке, а то и просто на песке у самой стены лачуги и, открыв рот, слушали удивительные истории или сказки, где правда побеждает ложь, где добрый герой вступает в борьбу со злыми чудовищами и обязательно их побеждает.

Но скоро ребяташки оставили сказки. Приехавший

к матери по торговым делам коммерсант рассказал о происходящих в Киеве, его пригородах Шулявке, Демиевке и Соломенке еврейских погромах. Моисей пересказывал эти известия и суждения взрослых подольским ребятам, среди которых было немало детей рабочих и ремесленников евреев. Погромы начались 26 апреля 1881 года и продолжались непрерывно трое суток. Громилась дома и квартиры евреев, в основном киевского Подола. Грабились лавчонки и ларьки, магазины и буфеты. Из окон летели пух и перья вспоротых перин, покрывая, словно снегом, улицы бедняцких кварталов города. Кто пытался протестовать, подвергался жестокому избиению. Пьяное буйство часто выливалось в насилие и убийства. Вызванные войска киевского гарнизона только наблюдали за разбоями и грабежами, очевидно получив приказ не вмешиваться. Полицейские и кое-кто из солдат под шумок прятали за пазухой выброшенные погромщиками на улицы товары. Понизив голос до шепота, коммерсант говорил, что погромам попустительствовал генерал-губернатор Киева генерал-адъютант Дрентельн, который, по мнению его же подчиненных, «до глубины души ненавидел евреев». Как это «до глубины души», Моисей не понимал, но воспроизводил шепот торговца изумительно точно.

В результате погромов пострадало более полутора тысяч евреев. Но только после того как, разорив дотла бедняцкие кварталы, погромщики взялись за лавки и магазины, не принадлежащие евреям, в других районах города, Дрентельн во главе войсковой части лично взялся за усмирение «хулиганов»: выйдя из коляски, он принялся уговаривать громил. Испуганные появлением вооруженных солдат, погромщики ринулись вон из магазина и при этом смяли самого генерал-губернатора. И, может быть, затоптали бы, если б не жандармский офицер огромной физической силы, сопровождавший

Дрентельна. Изрядно помятый, в покрытой уличной грязью шинели и истоптанной толпой фуражке генерал вернулся домой и тут же отдал приказ войскам «действовать решительно».

Однако уже накануне около вокзала на Жилянской улице произошли события, не санкционированные генералом. Возмущенные действиями погромщиков, солдаты сами, без всяких приказаний открыли огонь по толпе громил, которая тут же обратилась в паническое бегство. Весть об этом решительном действии воинского подразделения мгновенно разнеслась по всему городу.

Для расследования причины еврейских погромов в Киев приезжал генерал-майор граф Кутайсов, состоящий в свите его величества. Доклад графа был предельно ясен и выражал собственное мнение двора: «Погром был вызван общею исторической ненавистью русского населения к еврейскому и эксплуатацией еврейским населением русского по торговле и промышленности, но отнюдь не политическими причинами...»

Город Черкассы, около четверти населения которого составляли евреи (а на Подоле — добрую половину), гудел как растревоженный улей. Волновались и в семье Урицких. Мать после длительной молитвы пригласила плотников и велела им сделать на все окна ставни из толстых дубовых досок с железными накладками, болты которых, уходя внутрь дома, закладывались стальными чеками; старшие братья готовились вступить в дружину самообороны.

Моисей же с утра убежал из дома к своим друзьям. Мальчишки Подола, независимо от национальности каждого, горячо обсуждали вопрос: как встретить погромщиков, если таковые объявятся? Прежде всего нужно было придумать название отряда.

— «Смерть погромщикам», — предложил кто-то из ребят.

— Значит, мы будем их убивать? Станем такими же, как они? — спросил Моисей. И твердо добавил: — Я не согласен.

После жарких споров было принято предложение Моисея — отряд получил имя «Защитник». Так, теперь важно сохранить тайну: ни один взрослый не должен ничего знать об отряде.

— Ешьте землю, что не нарушите клятву, — командовал старший из «защитников», видимо наиболее опытный в клятвенных процедурах.

На зубах противно хрустел песок, а Моисей думал о Берте: «Неужели и от нее надо скрывать?» До сегодняшнего дня между ним и старшей сестрой не было ни одной тайны. Но решение принято всеми ребятами и не может быть нарушено. «Ведь скрываем же мы с Бертой от мамы, что читаем русские книжки», — думал Моисей. Однако и эта спасительная мысль не помогала. «То мама, а то Берта», — спорило сознание. Мальчик тяжело вздохнул. Нет, клятву он не нарушит.

Однако для того, чтобы остановить погромщиков, нужно оружие!

Но может ли такая «мелочь», как его отсутствие, помешать ребятам? Во-первых, есть рогатки и мастера прицельного огня, попадающие в самую маленькую цель. А во-вторых... Дело было продумано во всех деталях: на чердаках каждого дома на Подоле нужно иметь запас камней. Откуда камни? Ничего не может быть проще — напротив местного полицейского участка есть выложенная отличным булыжником площадка, и разобрать ее в течение ночи не составит большого труда.

Надо было слышать ругань полицейских, обнаруживших исчезновение булыжной мостовой, на которой в

распутицу останавливается пролетка начальства. Но все попытки полиции найти похитителей оказались безуспешны.

Шло время. Погромы до Черкасс не докатились. А Днепр своим очередным весенним разливом создал новые заботы и хлопоты подольскому населению. Новые заботы появились и у Моисея — мать отвела его в Новый город, в хедер при одной из синагог.

Для восьмилетнего пытливого мальчика занятия в хедере казались скучными. Учили раввины по религиозным книгам, приходилось заучивать нудные, непонятные молитвы. На вопросы, почему люди живут по-разному, зачем нужны еврейские погромы, ответов не давали. «На все воля божья», — говорили раввины. Тогда возникал вопрос: зачем нужен такой бог, который допускает погромы? В хедере ужасались, говорили, что Моисей испорчен, что надо принимать срочные меры для возвращения его в истинную веру. Не зная, как можно воздействовать на сына, мать заставляла его часами читать вслух главы из талмуда. Потом, узнав, что в Черкассах появилась лавка, в которой продаются религиозные книги, мать обрадовалась и накупила их для Моисея целый ворох.

Книжной лавкой владел немолодой толстый человек по имени Кривошья. Появился он в Черкассах недавно, и его приезд в этот маленький городок вызвал множество толков. Говорили, что он в Петербурге занимал высокий пост, что он был военным, что не захотел оставаться в Петербурге после смерти горячо любимой жены. Кривошья был избран казенным раввином, хотя всем было ясно, что в вопросах религии он совершенно не разбирается. Однако для ведения актов гражданского состояния (основная обязанность казенного раввина) его знаний было вполне достаточно. Об одном никто не догадывался — что Кривошья был

выслан из Петербурга как политически неблагонадежный. Книжная лавка была для него больше чем средством к существованию. Книги на религиозные темы помогли Кривошьё войти в большинство еврейских семей. В дни субботних богослужений Кривошьё нагружал книгами свой походный мешок и приносил их в синагогу. В будние дни книгоноша был желанным гостем в еврейских домах. Не миновал он, конечно, и дома Урицких.

Чего только не доставал из своего мешка ребе Кривошьё: Пятикнижие Моисеево, молитвенники в переплетах, отделанных золотом, книги с горестными и праздничными песнопениями, иллюстрированные книги с религиозными сказаниями.

Стоило Моисею взять в руки ту или иную книгу, как мать тут же ее покупала, не теряя надежды, что самый грамотный, самый любознательный сын все же станет раввином.

Берта не вступала в споры с матерью, но мечтала о другой судьбе для Моисея: она тайно приносила брату книги русских классиков, которые давали гораздо больше способному мальчику, расширяя его знания о большом мире.

Кривошьё не только продавал книги. Придя в дом Урицких и усевшись за довольно обильный ужин, он рассказывал о Петербурге, об очень богатых людях, которые, ничего не делая, пользуются всеми благами жизни, о бедных, которые всю жизнь трудятся, чтобы богатые богатели. Моисей слушал эти рассказы и вспоминал мальчишку у горы опилок. Надо скорей вырасти и сделать так, чтобы все были сыты и могли купить дров или угля, чтобы топить свои жилища.

Учеба в хедере заканчивалась, и теперь можно было поступать в первый класс черкасской четырехклассной прогимназии. Но Берта отлично понимала, что знаний,

полученных Моисеем в хедере, для поступления в прогимназию явно недостаточно: нужно подготовить мальчика по русской истории, латинскому языку и математике. Кривошья как-то рассказал, что сдал угол в своем доме студенту Гитману Каплуну, которого за какие-то смуты выгнали из Киевского университета.

— Ребе Кривошья, а вы не могли бы как-нибудь привести его к нам? — однажды спросила Берта.

— Ничего не может быть проще, — ответил Кривошья.

Знакомство состоялось в отсутствие матери. Чтобы не было никаких подозрений, ребе вручил студенту свой необъятный мешок с книгами, и молодой человек вошел отдуваясь в дом Урицких под видом книгоноши. Увидев прелестную девушку, студент смутился и не знал, куда положить свою ношу.

Очень скоро вопрос о подготовке Моисея в прогимназию был решен. Но где заниматься? Все предстояло делать пока тайком от матери. И опять же выручил Кривошья: разрешил пользоваться для занятий его книжной лавкой.

— А вы будете приходить в лавку с мальчиком? — не сводя глаз с красивой девушки, спросил студент.

— Буду. Конечно, буду, — улыбнулась Берта.

Слово свое Берта сдержала. И пока Моисей сидел за трудной задачей или переписывал латинское сочинение, Гитман рассказывал девушке о делах университетских, о выступлениях студентов против произвола администрации. Впервые мальчик услышал непонятное слово «марксизм». Слово это студент произнес в полголоса с оглядкой на дверь.

Многое из того, что говорил студент, Моисей не понимал. Но по тому, как слушала старшая сестра, чувствовал, что говорил студент хорошие слова. Часто в лавку заглядывал и сам Кривошья. Оба мужчины увлечен-